

DOI 10.26105/SSPU.2023.3.84.007

УДК 94(470+571)"18/19" (091)

ББК 63.3(2)53-414

М.Е. РАЗИНЬКОВ,
О.Н. КВАСОВ

**ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОСТЬ ЖИЗНИ
И ФАКТОРЫ ЖИЗНЕСТОЙКОСТИ
РОССИЙСКИХ РЕВОЛЮЦИОНЕРОВ
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX –
ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX ВВ.**

M.E. RAZIN'KOV,
O.N. KVASOV

**THE LIFETIME AND RESISTANCE FACTORS
OF THE RUSSIAN REVOLUTIONARISTS
IN THE SECOND HALF OF THE XIX –
THE FIRST THIRD OF THE XX CENTURIES**

Виографической литературе участники революционного движения зачастую рассматриваются как откровенно больные люди, что связывается со спецификой маргинального существования и репрессиями по отношению к ним со стороны государственной системы. В связи с этим актуально специальное изучение данного вопроса, поскольку сформированный образ «больного революционера» ставит под сомнение возможность участников революционного движения и радикальной оппозиции реализовывать, в случае прихода к власти, свои социально-политические идеалы. На основании специально созданной базы данных полутора тысяч представителей революционного движения и оппозиции, используя историко-типологический, историко-сравнительный, количественный и просопографический методы, авторы доказывают, что, хотя пребывание в ссылке и на каторге оказывало негативное влияние на здоровье революционеров, однако ритмы продолжительности жизни участников революционного движения в целом совпадают с ритмами тех политических деятелей, которые не подвергались никаким репрессиям и чей уровень жизни был выше. Революционеры и их противники были членами единого российского социума, только начавшего двигаться от традиционного общества к модерному. Ставятся под сомнение тезисы о чрезвычайном распространении психических заболеваний среди революционеров, склонности их к самоубийствам. Наличие большой доли революционеров, преодолевавших 70–80-летний барьер, говорит об их завидной жизнестойкости, причины которой подробно разбираются в статье.

In the existing literature participants in the revolutionary movement are often viewed as frankly sick people, which is associated with the specifics of marginal existence and repression against them by the state system. In this regard, a special study of this issue is relevant, since the formed image of the "sick revolutionary" casts doubt on the ability of the participants in the revolutionary movement and the radical opposition to realize their socio-political ideals in case of coming to power. Based on a specially created database of one and a half thousand representatives of the revolutionary movement and the opposition, using historical-typological, historical-comparative, quantitative and prosopographic methods, the authors prove that, although being in exile and hard labor had a negative influence on the health of revolutionaries, but the rhythms of life time of participants in the revolutionary movement generally coincide with the rhythms of those politicians who were not subjected to any repression and whose standard of living was higher. The revolutionaries and their opponents were members of a single Russian society that had just begun to move from traditional to modern society. The theses about the extreme spread of mental

illness among revolutionaries and their tendency to commit suicide are being questioned. The presence of a large proportion of revolutionaries who have overcome the 70-80-year barrier speaks of their enviable vital capacity, the reasons for which are analyzed in details in the article.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: революционное движение в России, партии, каторга, ссылка, продолжительность жизни, факторы жизнестойкости

KEY WORDS: revolutionary movement in Russia, parties, hard labor, exile, life time, vitality factors

ВВЕДЕНИЕ. В исторических исследованиях, мемуарах тонкой, прерывистой нитью, чаще всего в рамках информации «к сведению», приводятся данные о здоровье видных революционных и политических деятелей. Мотивы «безвременной кончины», преодолевающего недуги борца, трагедии смерти заслоняют от нас собственно историческую ценность данных о здоровье и болезнях. Общая картина ситуации со здоровьем революционеров, сложившаяся в историографии, такова: маргинальный образ жизни большинства революционеров второй половины XIX — начала XX вв., распространенность «социальных болезней», а также пенитенциарная система царизма тяжело сказывались на психическом и физическом здоровье большинства из них; после революции 1917 г. и гражданской войны, которые сами по себе были серьезными испытаниями, нагрузка на здоровье коммунистов, вошедших в советский аппарат управления, только усилилась; переутомление и чрезвычайное распространение «социальных болезней» привели к тому, что в руководстве страны, как в центре, так и на местах находились откровенно больные люди; государство, однако, заботилось о заслуженных революционерах, создавая для них систему медицинских льгот.

В связи с этим становится актуальным целенаправленное изучение данных о продолжительности жизни участников революционного движения, сравнение этих данных со сведениями о других социальных группах, выявление факторов, которые позволяли преодолевать репрессивные меры. Необходима проверка утверждений о психическом и физическом незддоровье революционеров, что даст сведения о том, насколько адекватными сложившейся общественно-политической ситуации были дальнейшие действия участников революционного движения, могли ли люди «революционной генерации» осуществлять в дальнейшем разумную и успешную политическую деятельность.

ЦЕЛЬ — провести исследование продолжительности жизни участников революционного движения и радикальной оппозиции во второй половине XIX — первой трети XX вв. Выяснить факторы, обеспечивавшие жизнестойкость революционеров в условиях репрессивной политики царизма и потрясений гражданской войны. Проверить обозначенные в историографии гипотезы о революционерах и политиках первой генерации советской власти как о людях, пораженных недугами, которые мешали им реализовать свои социально-политические идеалы.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. На основании изданных справочников и энциклопедий нами составлена база данных продолжительности жизни 1501 деятеля революционного движения середины XIX — первой трети XX вв. [4, 8, 9]. Материалы базы обработаны с помощью историко-типологического, историко-сравнительного и количественного (выяснение коэффициентов корреляции) анализа. Авторы широко используют просопографический метод анализа исторических данных.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ. Подавляющее большинство (91,7%) лиц, вошедших в указанную базу данных, составили участники народнических (57,8%) и социал-демократических (32%) организаций, а также анархисты (1,9%). Также в базе данных сведения о петрашевцах и участниках кирилло-мефодиевского общества (1,7%), национальных и религиозных организаций (4%), кадетов, включенных в качестве ярких представителей оппозиционного движения, (1,4%), социальные группы (прежде всего, деятели казачьего и ра-

бочего движения) (1,3%). Из названных 1501 человека, только 1073 умерли смертью, которую с некоторым допущением (поскольку часть из них находились в тюрьме и на каторге) можно назвать «естественной», т.е. они не были казнены, убиты и не покончили жизнь самоубийством. В свою очередь, 950 из них побывали в ссылке, тюрьме и на каторге (см. таблицу 1).

Таблица 1. Продолжительность жизни лиц, умерших естественной смертью, и факт пребывания в ссылке и на каторге

Возрастная группа продолжительности жизни	Кол-во человек, побывавших только в ссылке	Кол-во человек, побывавших только на каторге	Побывавшие в течение жизни и в ссылке, и на каторге	Общее кол-во представителей возрастной группы	Кол-во человек, не побывавших в ссылке и на каторге
10-19	0	1	0	1	0
20-29	43	25	8	76	2
30-39	64	27	18	109	14
40-49	87	5	54	146	14
50-59	96	8	61	165	23
60-69	120	7	74	201	24
70-79	99	8	59	166	21
80-89	43	3	24	70	22
90-99	10	0	6	16	3
Всего	562	84	304	950	123

Как видим, треть революционеров и деятелей радикальной оппозиции (35%) скончались в возрасте до 50 лет, причем уже 30-летние и в еще большей степени 40-летние возраста дают высокие показатели смертности. Предсказуемость таких результатов понятна — каторга, тюрьма, ссылка не были курортами.

Для сравнения нами были проанализированы сведения о продолжительности жизни 200 губернаторов и партийных деятелей правоцентристского направления (Союз русского народа, Союз 17 октября, партия мирного обновления и пр.), не подвергавшихся репрессиям со стороны власти в форме каторги, тюрьмы и ссылки, и скончавшихся своей смертью (см. таблицу 2).

Таблица 2. Губернаторы Центрально-Черноземного, Поволжского регионов, Украины (Киевская, Харьковская губернии), Москвы и Петербурга второй половины XIX в. и партийные деятели правоцентристского направления начала XX века

Возрастная группа продолжительности жизни	Деятели правых и центристских партий (кол-во человек, %)	Губернаторы второй половины XIX века (кол-во человек, %)
30-39	0	1
40-49	5	3
50-59	24	20
60-69	28	37
70-79	26	28
80-89	15	10
90-99	2	1
Всего	100	100

Найти в российских реалиях первой четверти XX века партийных деятелей, не пострадавших от власти — задача непростая. Многие из них (41%) были вынуждены уехать из страны и жить в эмиграции. Тем не менее, очевидным отличием обеих групп от ссыльно-каторжных революционеров является низкая смертность до 50-летнего возраста. Мы видим и то, что принадлежность к политической элите российского общества (как следствие, лучшее питание, медицинское обслуживание) не являлась гарантией высокой продолжительности жизни. Для сравнения биометрических совокупностей мы применили метод корреляционного анализа (см. таблицы 3 и 4).

Таблица 3. Зависимость продолжительности жизни революционеров, побывавших в ссылке и на каторге, и контрольных групп, не подвергавшихся прямым репрессиям со стороны власти

Продолжительность жизни	Правые центристы	Правые и центристы в возрасте от 50 лет	Губернаторы	Губернаторы в возрасте от 50 лет	Революционеры, не побывавшие в ссылке и на каторге
Революционеры (ссыльно-каторжные)	0,76	—	0,80	—	0,85
Революционеры (ссыльно-каторжные) в возрасте от 50 лет	—	0,98	—	0,96	—

Таблица 4. Зависимость (коэффициент корреляции) продолжительности жизни ссыльно-каторжных революционеров и представителей правоцентристского движения подвергавшихся косвенным (вынужденная эмиграция) репрессиям

Продолжительность жизни	Революционеры, побывавшие только на каторге	Революционеры, побывавшие и в ссылке, и на каторге	Правые и центристы, побывавшие в эмиграции	Правые и центристы, побывавшие в эмиграции, в возрасте от 50 лет
Революционеры, побывавшие только в ссылке	0,16	0,95	0,46	—
Революционеры, побывавшие только в ссылке в возрасте от 50 лет	—	—	—	0,43

Как видим, различия динамики продолжительности жизни революционеров и лиц, относящихся в политической элите Российской империи, не являются абсолютными. Более того, зависимости показателей смертности ссыльно-каторжных, перешагнувших 50-летний возраст, практически не отличаются от показателей элитарных и проправительственных групп.

Полученные данные дают возможность утверждать, что ссылка и каторга не влияла на продолжительность жизни тех революционеров, которые их пережили. 50-летний возраст становился рубежным для всех жителей Российского государства второй половины XIX — первой четверти XX вв. Даже в процентном соотношении мы видим сходство: в возрасте 50–59 лет умерли 17,4% революционеров и 20% губернаторов. Еще больший урожай смерть собирала в 60–69 лет, пиковый для всех исследуемых категорий, будь то революционер или респектабельный политик. Отметим, что значительная часть ссыльно-каторжных революционеров перешагнули порог в 70 лет (26,5%), хотя их показатели все же существенно меньше правоцентристов (43%) и губернаторов (37%). 9% революционеров стали

откровенными долгожителями (80 лет и выше), при сходных показателях по губернаторам (11%) и несколько больших по право-центристам (17%).

Явно меньшая продолжительность жизни совокупности революционеров указывает на то, что годы ссылки и каторги не проходили совсем бесследно. Мы также видим, что эмиграция, по сравнению со ссылкой, оказывалась не столь существенно влиявшим на здоровье фактором, поскольку зависимость по этим двум группам очень низкая. Каторга убивала людей в цветущем, молодом возрасте, чем следует объяснить практическое отсутствие зависимости жизни каторжников от продолжительности жизни революционеров, побывавших только в ссылке (0,16).

Динамика показателей продолжительности жизни, а также то, что более четверти ссылочно-каторжных прожили больше 70 лет, нередко перешагивая через 80-летний возраст, позволяют говорить о том, что у жизнестойкости «борцов за царство справедливости» были биологические основания. Медики, социологи, этнические антропологи давно обратили внимание на феномен долгожительства. Высказывались предположения о значительной роли устоев традиционного общества в поддержании долгожительства индивида: ритмичность жизни, возможность сохранять жизненную активность в старости, культура питания. Что касается генетиков, то, по разным оценкам, наследственность влияет на продолжительность жизни на 7–30%. Собранныя нами информация позволяет сделать некоторые предположения и утверждения на этот счет.

Во-первых, упор антропологов на условия традиционного общества как общества с пониженной стрессостью для организма в результате отсутствия перемена места жительства, питания, круга общения в качестве основы долголетия не очень подходит к быту революционеров. Скончавшийся на 92 году жизни Н.А. Морозов провел в заключении почти 30 лет, из них 25 лет в одиночке Петропавловской и Шлиссельбургской крепостей. В.Н. Фигнер (89 лет) двадцать лет провела все в той же Шлиссельбургской крепости, Л.Г. Дейч (85 лет) — 12 лет каторги и 5 лет ссылки. 32 года промышкалась по каторге, тюрьмам и ссылкам «бабушка русской революции» Е.К. Брешко-Брешковская (90 лет). 87 лет прожила отбывшая 11 лет в ссылке и заключении Р.М. Фиалка-Рачинская. Учитывая высокое качество кремлевской медицины более «объяснимо» долгожительство большевиков В.М. Молотова (умер на 96 году жизни), В.Д. Бонч-Бруевича (82 года), Л.М. Кагановича (98 лет), А.И. Микояна (83 года). Применимо к последнему сложилась поговорка: «От Ильича до Ильича, без инфаркта и паралича».

Среди их политических противников — февральской генерации революционеров — также были долгожители: А.Ф. Керенский (89 лет), кадеты П.Н. Милюков (84 года), В.А. Маклаков (87 лет), В.А. Харламов (82 года), меньшевик Н.Н. Жордания (84 года), эсеры В.Г. Архангельский (80 лет), Н.В. Макеев (86 лет), Б.Ф. Соколов (90 лет), Н.И. Мандрыка (91 год), А.Ф. Матвеев (93 года), С.Н. Николаев (96 лет), казачьи деятели Б.Н. Уланов (89 лет), Н.М. Мельников (90 лет). Образ жизни их был разным, присутствовали в нем и каторга, и эмиграция, и участие в жестокой гражданской войне. Отсутствует же только одно — размеренность жизни традиционного общества.

Во-вторых, в семейных историях ряда революционно-политических деятелей мы все-таки можем, на наш взгляд, увидеть некоторые намеки на воздействие наследственности на выживаемость. Долгожительницей являлась мать Н.А. Морозова — Анна Васильевна (85 лет). Столько же прожил дед В.М. Молотова — Прохор Наумович Скрябин. Брат Вячеслава Михайловича, композитор Н.М. Скрябин-Нолинский, прожил 80 лет. Брат В.Д. Бонч-Бруевича, Михаил Дмитриевич, умер в 85 лет. В 94 года умер сын А.И. Микояна Степан, в 89 — Владимир, в 80 — Серго. Сыновья А.Ф. Керенского умерли в 79 и 83 года. Братья Л.М. Кагановича прожили 89 и 70 лет, дочь — 78 лет. Сыновья делегата Учредительного собрания калмыка Б.Н. Уланова прожили 86, 76, 84 и 81 год, дочь — 82 года. 88 и 97 лет прожили дети Р.М. Фиалки-Рачинской Чарна и Збигнев. Отец эсера С.А. Николаева про-

жил 83 года, братья 72 и 40. 88 лет прожил сын Б.Ф. Соколова. В 2016 г. в возрасте 98 лет скончалась дочь Н.Н. Жордания Натела, в 2021 — сын Реджеб (99 лет), несколько меньше прожила первая дочь — Асмат (79 лет).

Биографии рано умерших революционеров также дают возможность предположить наличие к этому наследственных причин. Дед Ю.О. Мартова, А.О. Цедербаум, прожил 77 лет, отец — И.(О.)А. Цедербаум — 68 лет, а вот его дети умерли рано: Ю.О. Мартов-Цедербаум — в 49 лет, В.О. Цедербаум-Левицкий — в 54 года. У умершего в 58 лет А.В. Луначарского родители также не были долгожителями (56 и 72 года). При этом его дед по матери — Я.П. Ростовцев умер в 80 лет, сыновья же Я.П. Ростовцева — в 86 и 56 лет. Отец Ф.Э. Дзержинского умер в 70, брат — в 74 года, сестры — в 96, 12 и 78 лет. Вместе с тем, единственный сын Феликса Эдмундовича умер в 49 лет от сердечного приступа, внук умер в 77 лет, а другой перешагнул через семидесятилетний порог.

Комментируя приведенные данные, можно сказать, что внешние факторы и возможная генетическая предрасположенность подкосили здоровье братьев Цедербаумов, в роду А.В. Луначарского долгожители обнаруживаются только по линии матери, а в роду Ф.Э. Дзержинского мы видим сердечное заболевание, но только у отца и сына.

Хорошо изученная генеалогия В.И. Ленина также дает повод для размышлений. Его брат и сестры (исключая Александра и двоих детей скончавшихся в младенчестве) умерли, соответственно, в 71, 19, 68 и 59 лет. При этом только у прожившего больше всех Дмитрия были дети: дочь, скончавшаяся в 89 лет, и сын, умерший в 67. Отец и мать Владимира Ильича умерли в 55 и 81 год, при этом родители отца прожили 68 и 87 лет, матери — 68 или 71 год (данные о А.Д. Бланке разнятся, а об Анне Гроссшопф отсутствуют). Иначе говоря, здоровьем эта семья не отличалась, однако долгожители присутствуют в женских (но не мужских!) линиях: бабушка по отцу, мать, дочь Д.И. Ульянова.

Таким образом, можно, на наш взгляд, говорить о том, что генетические предрасположенности, включая склонность к долгожительству и наследственные заболевания, все же влияли на степень успешности преодоления революционерами жизненных испытаний.

Показательно также, что принадлежность даже к самой высшей элите не была гарантией долгой жизни. По нашим подсчетам, средняя продолжительность жизни российских императоров и их детей в XIX в., скончавшихся естественной смертью (если исключить смертность детей до 18 лет), была для мужчин — 57,4 года, женщин — 63,1 [10, с. 123].

Конечно, чисто биологические факторы не были единственными, помогавшими выживать. Революционеры проявляли недюжинную волю к жизни. Н.А. Морозов смог в 90-летнем возрасте принять участие в Великой Отечественной войне. Идейный фанатизм не мешал привязанному к постели М.Р. Гогу быть лидером российских эсеров. Хрестоматийным является пример жизни и творчества писателя Н.А. Островского. Подавляющее большинство революционеров жили на самые скромные доходы, скучно питались, но, как верно отмечает О.А. Островская, «в системе ценностей революционеров интересы революционной борьбы стояли значительно выше частной жизни, в том числе отдыха» [7, с. 73].

Среди прочих факторов надо назвать социальное происхождение ссылочно-каторжных, а также собственно статус политзаключенного. Первоначально дворянский статус осужденного давал преимущества в заключении. На якутской каторге до 1880-х гг. привилегированный политосужденный получал в два раза большее довольствие, чем непривилегированный (72 рубля в год вместо 32). Политические имели возможность использовать свой капитал для начала хозяйственной деятельности в ссылке, на земельном наделе, предоставленном государством. В исследовании А.С. Гулина показаны многообразные способы получения политзаключенными денег, а также затронута проблема проживания на каторге осужденных из богатых семей. Последние могли получать ежемесячно из своих средств 25 рублей, что при стоимости питания в 2,1–4,5 руб. в месяц было очень приличной суммой. Неко-

торые привозили с собой не одну сотню рублей, давая в долг значительные суммы более бедным товарищам. Среди каторжников-поляков 1860-х гг. были графы, состоятельные помещики и дворяне: «Вся эта каторжная аристократия, привыкшая в прошлой обыденной жизни к прислуге, нанимала себе в услужение сотоварищей по каторге из низших сословий за определенное вознаграждение... Эта каторжная прислуга стирала богатым белье, готовила им отдельно обеды, пекла булочки, ухаживала за их огородами, выполняла всю грязную и необходимую для них работу» [3, с. 55]. Среди льгот политзаключенных и ссыльных называют возможность подработки на стороне, свиданий с близкими, выписывания литературы, приобретения продуктов на личные средства.

В Архангельской и Восточно-Сибирской ссылке женщины подрабатывали учителями, репетиторами, фельдшерицами и акушерками, получая дополнительный доход, причем все это также делалось с ведома властей, ставившихся подобным образом компенсировать недостаток квалифицированных кадров в губернии. Чтение книг, журналов, изучение наук, писательская деятельность были теми факторами, воздействие которых на выживаемость заключенных нельзя недооценивать [5, с. 53], поскольку до начала XX в. среди них преобладали выходцы из образованных слоев населения. Методичная познавательная и творческая работа, несомненно, помогла выжить в Шлиссельбургской тюрьме Н.А. Морозову, предпринявшему долгожительство. Сходную склонность к умственным искашим проявил долгожитель Л.Г. Дейч. Следует отметить, что регулярная умственная работа, вкупе с однообразной методичностью тюремного быта в какой-то степени напоминала ритм, задаваемый индивиду традиционным обществом.

Адаптационным механизмом выступала возможность организации коллективного труда и взаимопомощи. На Нерчинской каторге женщины создали артельное хозяйство и общую кассу, куда поступали все средства, приходившие с воли. Артель продолжила функционировать и после упразднения в 1890-е гг. каторжной тюрьмы на Каре, причем женщины объединили хозяйство с мужчинами, организовав пошив на всех одежды, заведя корову, сообща заготавливая дрова и создав общую кухню. Между прочим, первой старостой артели была Е. К. Брешко-Брешковская. Сходное поведение демонстрировали заключенные Александровского центра в Иркутской губернии. Здесь был создан коллектив политзаключенных, добивавшийся отделения их камер от камер уголовных преступников и вступивший с тюремным начальством в негласные соглашения о взаимном уважении прав. Руководство коллектива пользовалось свободой передвижения и жило в гораздо лучших условиях, нежели прочие политзаключенные. Интересно, что в составе «вольной команды», т.е. руководства коллектива, фигурирует еще один долгожитель — В.Г. Архангельский.

Практиковались также способы поддержания духовных сил методами, не разрешенными властями, например, тайная переписка между заключенными, издание нелегальных журналов, организация протестных действий в случае несправедливых действий тюремных властей. Последнее, впрочем, рассматривалось значительной частью заключенных как деструктивное действие, не приносящее в перспективе пользу делу.

Что касается медицинской помощи, то описания тюремного быта, например, Шлиссельбургской и Петропавловской крепостей, содержат сведения о приглашении докторов, которые лечили заключенных до их выздоровления. Правда, приглашались они только в том случае, если здоровью заключенного действительно угрожала большая опасность [5, с. 52]. Некоторую помощь оказывал нелегальный народнический Красный крест [2, с. 445].

Следует подчеркнуть, что доступ к дополнительным благам был непостоянен, зависел от прихотей местной администрации и политического момента в стране, зачастую недостижим для рядовых революционеров [1]. После первой российской революции подавляющее большинство ссыльных и заключенных составили уже непривилегированные выходцы из крестьян и мещанства.

Разрушительное воздействие подпольной борьбы и заключения на психику революционера многократно описано. Данные, собранные нами, показывают, что из 1501 участника революционного движения и оппозиционеров 70 человек покончили жизнь самоубийством (6,5%). Подавляющее большинство из них побывали в ссылке или на каторге. Двое, эсер Б.И. Арватов и землеволец А.А. Серно-Соловьевич, не отбывавшие срок в тюрьмах, покончили с собой, будучи тяжело больными людьми. Это в целом соотносится с данными А.Д. Марголиса (7,9%). Кроме того, по его подсчетам, в ссылке и на каторге 7,6% революционеров сошли с ума [6, с. 570-571]. По данным нашей базы численность таковых составила всего 1,8%. Все это доказывает не столько факт психической неуравновешенности революционеров, сколько то, что не менее 85% из них успешно преодолевали гнетущее влияние репрессий, и воспринимать революционера психически больным человеком, конечно, нельзя.

Если говорить об исторических реалиях после гражданской войны, то проведенные нами исследования, на первый взгляд, подтверждают общую картину высокой заболеваемости советских политических функционеров — выходцев из революционной контркультуры. В Москве, Самарской, Енисейской, Луганской губерниях многие из них болели туберкулезом, в меньшей степени — сердечно-сосудистыми, желудочно-кишечными заболеваниями, нервными расстройствами, страдали от переутомления¹. Вместе с тем к картине «тотальной заболеваемости» 1920-х гг. необходимо относиться критически. Источники фиксируют низкую смертность коммунистов в указанный период. Так, в Воронежской губернии из 4243 коммунистов умерли в 1925 г. 30 (0,7%). В 1926 смертность здесь составила 0,4%². Сходные данные видим по Курской губернии, где в 1925 г. из нескольких сотен выбывших из компартии умерли 9 человек³.

После гражданской войны оставшиеся в СССР революционеры получали некоторую помощь от государства. Нельзя не признать, что многие бывшие революционеры настойчиво добивались распространения на них различных, в т.ч. медицинских, льгот, полагая, что государство должно заботиться о них особо. Вместе с тем размеры такой помощи не стоит переоценивать.

Сколько-нибудь постоянной медицинской помощью пользовались только представители формирующейся советской элиты, куда большинство участников революционного движения и радикальной оппозиции второй половины XIX — начала XX вв. не попали. Надо понимать, что система медпомощи разворачивалась на местах далеко не сразу, а инвалидные пенсии были скучными. Воспользоваться имевшимися медицинскими льготами могли либо те, кто уже давно отошел от революционного движения, либо большевики. Например, известной эсерке И.К. Каировской было отказано в персональной пенсии и высококвалифицированном лечении даже в 1950-е гг.

Участники революционного движения, выброшенные в СССР из политической жизни, старались контактировать друг с другом, не отказывали в помощи бывшим знакомым, вели взаимную переписку, читали политическую литературу, пытались хоть как-то сорганизоваться, т.е. занимались тем, что питало их духовные силы до революции и за что жестоко платили в период репрессий 1930-х годов. Как убедительно доказано в исследовании Л.Г. Протасова, для оставшихся в СССР деятелей оппозиции, да и для многих революционеров-большевиков, главным фактором, препятствующим жизнестойкости, была пуля сталинского палача [9, с. 199-232].

¹ Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 5. Оп. 2. Д. 50. Л. 122-125; Ф. 17. Оп. 68. Д. 138. Л. 4, 95.

² Государственный архив общественно-политической истории Воронежской области. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1170. Л. 1-32; Д. 1454. Л. 1-5; Д. 1822, л. 1 об.

³ Государственный архив общественно-политической истории Курской области. Ф. П-65. Оп. 1. Д. 516. Л. 33-162.

Жизнь эмигрантов оказалась более спокойной. Практически все долгожители, оказавшиеся здесь, демонстрировали высокую общественную активность и склонность к умственному труду, т.е. те стратегии, которые применялись революционерами в царское время. Писал статьи, воспоминания, пытался оживить умирающую кадетскую партию П.Н. Милюков, сходными вещами занимались эсеры В.М. Чернов (78 лет) и М.В. Вишняк (93 года). Последний до 1958 г. редактировал русский отдел еженедельника «Тайм», преподавал в университете. Крупнейшим библиографом эмиграции стал эсер С.П. Постников (81 год), здоровье которого не сломили даже сталинские послевоенные застенки и нищета. В пражском Земгоре приняли активное участие Б.Ф. Соколов и В.Г. Архангельский. В дальнейшем первый стал ученым-биологом, до самой смерти редактируя журнал по физиологии роста, второй был одним из основателей Русского заграничного исторического архива в Праге.

Биографии долгожителей-эмигрантов демонстрируют, на наш взгляд, именно совокупность социально-биологических факторов, усиливших жизнестойкость. Среди их прямых родственников мы с завидной регулярностью обнаруживаем таких же долгожителей, а вид деятельности напоминал дореволюционные реалии: они стремились создать вокруг себя ореол нужности их работы, изъятие из нее порождало страдание, потерю смысла жизни, самоубийства.

ВЫВОДЫ. Несомненно, пребывание в ссылке и на каторге оказывало негативное влияние на здоровье революционеров. Это приводило к росту показателей смертности в возрасте до 50 лет, мешало реализоваться возможностям к долгожительству, давало осложнения и в дальнейшем. Однако верно и то, что ритмы продолжительности жизни участников революционного движения в целом совпадают с ритмами тех политических деятелей, которые не подвергались никаким репрессиям и чей уровень жизни, включая медицинское обеспечение, был выше.

В этом смысле и революционеры, и их противники были членами единого российского социума, только начавшего двигаться от традиционного общества к модерному. Нельзя назвать революционеров и откровенно больными, в т. ч. психически, людьми. Напротив, наличие большой доли революционеров, преодолевавших 70-ти и даже 80-ти летний барьер, говорит о завидной жизнестойкости.

Преодолению разрушающего воздействия ссылки и каторги способствовали как чисто биологические, так и социальные факторы. Создавая вокруг себя особую субкультуру, основанную на специфических (индивидуальных и коллективных) стратегиях выживания, личность каждого революционера, одновременно, зависела от индивидуальных, наследуемых особенностей здоровья. Стратегии выживания в подполье, ссылке, тюрьме, на каторге воссоздавались в 1920-е — 1930-е гг. как среди тех, кто остался в СССР и не вошел в большевистский правящий класс, так и среди эмигрантов. Среди этих стратегий мы видим и характерную для модерного общества склонность к умственному труду, общественную активность и накладывающуюся на ритмы традиционного общества регулярность, цикличность, повторяемость действий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Быкова Н.Н. Александровский централ: арестантские будни (начало XX века) // Иркутский историко-экономический ежегодник: 2013. Иркутск, 2013. С. 117–125.
2. Ванюшина О.В. Проблемно-адаптивные барьеры и тактики адаптации участниц революционного движения в условиях административной высылки в конце XIX — начале XX вв. (по материалам Тверской губернии) // Экстремальное в повседневной жизни населения России: региональный аспект (к 100-летию русской революции 1917 г.) / отв. ред. С. В. Степанов. СПб.: Культурно-просветительское товарищество, 2017. С. 443–449.

3. Гулин А.С. Личные деньги и их источники: к вопросу о материальном положении политических ссыльно-каторжных на Нерчинской каторге в 60–70-х гг. XIX в. // Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». 2018. № 6 (39). С. 47–62.
4. Деятели революционного движения в России: Био-библиографический словарь: От предшественников декабристов до падения царизма / Под ред. Вл. Виленского-Сибирякова [и др.]. М.: Всесоюзное общество политкаторжан и ссыльно-поселенцев, 1927–1934.
5. Киселев А.А. «Попав в одиночное заточение, они догорали тут, как зажженные свечи»: к вопросу о повседневной жизни революционера в российской тюрьме во второй половине XIX — начале XX вв. // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2018. № 1 (17). С. 49–56.
6. Марголис А. Библиографический словарь политкаторжан II половины XIX века // Право на имя: Биографика XX века. Чтения памяти Вениамина Иофе: Избранное 2003–2012 / отв. ред. Т.Б. Притыкина. СПб., 2013. С. 565–571.
7. Островская О.А. Досуг в структуре повседневности террористов-эсеров: постановка вопроса // Вестник Пермского университета. История. 2013. Вып. 3 (23). С. 70–78.
8. Политические партии России. Конец XIX — первая треть XX века. Энциклопедия / отв. ред. В. В. Шелохаев. М.: РОССПЭН, 1996. 800 с.
9. Протасов Л.Г. Люди Учредительного собрания: портрет в интерьере эпохи. М.: РОССПЭН, 2008. 463 с.
10. Разиньков М.Е. Жизнь на престоле // Родина. 2020. № 11. С. 122–126.

REFERENCES

1. Bykova N.N. *Aleksandrovskij central: arestantskie budni (nachalo XX veka)* [Aleksandrovsky Central: Prisoners of everyday life (beginning of the XX century)] // Irkutskij istoriko-ekonomicheskij ezhegodnik: 2013. Irkutsk, 2013. S. 117–125. (In Russian).
2. Vanyushina O.V. *Problemo-adaptivnye bar'ery i taktiki adaptacii uchast-nic revolyucionnogo dvizheniya v usloviyah administrativnoj vysyldki v konce XIX — nachale XX vv. (po materialam Tverskoj gubernii)* [Problem-adaptive barriers and tactics of adaptation of participants in the revolutionary movement in the conditions of administrative expulsion in the late XIX — early XX centuries (based on the materials of the Tver province)] // Ekstremal'noe v povsednevnoj zhizni naseleniya Rossii: regional'nyj aspekt (k 100-letiyu rus-skoj revolyucii 1917 g.) / otv. red. S. V. Stepanov. SPb.: Kul'turno-prosvetitel'skoe tovarishchestvo, 2017. S. 443–449. (In Russian).
3. Gulin A.S. *Lichnye den'gi i ih istochniki: k voprosu o material'nom polo-zhenii politicheskikh ssyl'nokatorzhnyh na Nerchinskoy katorge v 60–70-h gg. XIX v.* [Personal money and their sources: on the issue of the financial situation of political exiles in Nerchinsk penal servitude in the 60–70-s 19th century] // Vestnik RGGU. Seriya «Istoriya. Filologiya. Kul'turologiya. Vostoko-vedenie». 2018. № 6 (39). S. 47–62. (In Russian).
4. Deyateli revolyucionnogo dvizheniya v Rossii: Bio-bibliograficheskij slo-var': Ot predshestvennikov dekabristov do padeniya carizma [Figures of the revolutionary movement in Russia: Bio-bibliographic dictionary: From the predecessors of the Decembrists to the fall of tsarism] / Pod red. VI. Vilenskogo-Sibiryakova [i dr.]. M.: Vsesoyuznoe obshchestvo politkatorzhan i ssyl'no-poselencev, 1927–1934. (In Russian).
5. Kiselev A.A. «Popav v odinochnoe zatochenie, oni dogorali tut, kak zazhzenye svechi»: k voprosu o povsednevnoj zhizni revolyucionera v rossijskoj tyur'me vo vtoroj polovine XIX — nachale XX vv. [“Having got into solitary confinement, they burned out here like lit candles”: on the question of the daily life of a revolutionary in a Russian prison in the second half of the 19th — early 20th centuries] // Vestnik Omskogo universiteta. Seriya «Istoricheskie nauki». 2018. № 1 (17). S. 49–56. (In Russian).
6. Margolis A. *Bibliograficheskij slovar' politkatorzhan II poloviny XIX veka* [Bibliographic dictionary of political prisoners of the II half of the XIX century] // Pravo na imya: Biografika XX veka. CHteniya pamyati Veniamina Iofe: Izbrannoe 2003–2012 / otv. red. T.B. Pritykina. SPb., 2013. S. 565–571. (In Russian).

7. Ostrovskaya O.A. *Dosug v strukture povsednevnosti terroristov-eserov: po-stanovka voprosa* [Leisure in the Structure of Everyday Life of Socialist-Revolutionary Terrorists: statement of the question] // Vestnik Permskogo universiteta. Istorya. 2013. Vyp. 3 (23). S. 70–78. (In Russian).
8. *Politicheskie partii Rossii. Konec XIX — pervaya tret' XX veka. Enciklopediya* [The political parties of Russia. The end of the 19th — the first third of the 20th century. Encyclopedia] / otv. red. V.V. Shelohaev. M.: ROSSPEN, 1996. 800 s. (In Russian).
9. Protasov L.G. *Lyudi Uchreditel'nogo sobraniya: portret v inter'ere epohi* [People of the Constituent Assembly: a portrait in the interior of the era]. M.: ROSSPEN, 2008. 463 s. (In Russian).
10. Razin'kov M.E. *Zhizn' na prestole* [Life on the throne] // Rodina. 2020. № 11. S. 122–126. (In Russian).